

ских феодалов в некоторой степени свидетельствуют уже упоминавшиеся пожалования Эдуарда I в пользу рыцарей, земли которых оказались занятыми французскими войсками. Не вызывает сомнения, что эти пожалования получили лишь те, кто поддержал Англию в войне или, по крайней мере, занимал нейтральные позиции. А число их, как мы уже отмечали, было весьма внушительно — более 450. Уже после заключения мира, в 1304 г. Эдуард I включил в число получателей аналогичных пожалований еще 30 феодалов Гаскони⁵⁶.

Интересно отметить, что даже Гастон Беарнский, дважды возглавлявший в рассматриваемый период антианглийские выступления, не был последовательным противником английской власти. Так, спустя четыре года после неудачи антианглийского выступления он написал Эдуарду I письмо, свидетельствующее о том, что к 1282 г. он занимал уже несколько иные позиции по отношению к Англии, чем в 70-е годы. В этом письме он сообщил королю о своей полной готовности служить английской короне в восставшем Уэльсе или где бы то ни было, несмотря на запрещение короля Франции⁵⁷. Более того — он не ограничился словесным изъявлением своей преданности и уже в 1283 г. действительно отличился на службе у английского короля⁵⁸. Спустя несколько лет — в 1289 г. виконт Беарна вновь заслужил благодарность и награды своего английского сюзерена за то, что активно способствовал освобождению из плена родственника Эдуарда I⁵⁹.

Симптоматичным представляется также сам по себе факт прекращения в конце XIII — начале XIV в. военных антианглийских выступлений знати, весьма характерных для 40—70-х годов XIII столетия.

Нам представляется, что все эти факты позволяют говорить об определенном успехе английской политики по отношению к феодалам Гаскони. С помощью описанных выше мер английской короне удалось добиться того, что феодальный сепаратизм гасконской знати «уживался» с признанием объективной ценности поддержания добрых отношений с Англией, а феодалы области, если и не стали в ту пору надежными союзниками английского короля, то, во всяком случае, не были его последовательными противниками. В их позициях на рубеже XIII—XIV вв. проявилась, с нашей точки зрения, тенденция к сближению с английской короной. В сочетании с прочной поддержкой со стороны городов это серьезно расширяло социальные основы власти Плантагенетов в Гаскони, что могло в свою очередь привести к нарушению относительного равновесия сил между Англией и Францией в гасконском вопросе. Думается, что именно определенные внутривосточные успехи английской короны в Гаскони в конце XIII — начале XIV в. обусловили неизбежность разрешения гасконской проблемы военным путем.

⁵⁶ RG, v. III, № 4647—4648.

⁵⁷ «Foedera», v. I, 2, p. 205.

⁵⁸ Ibid, p. 217.

⁵⁹ Ibid, 1, 3, p. 45, 48; RG, v. II, № 1675.